

**Великая реформа: русское общество и
крестьянский вопрос в прошлом и настоящем**

Том 6

УДК 93
ББК 63.3
В27

В27 Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Том 6 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 414 с.

ISBN 978-5-518-04236-0

ISBN 978-5-518-04236-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

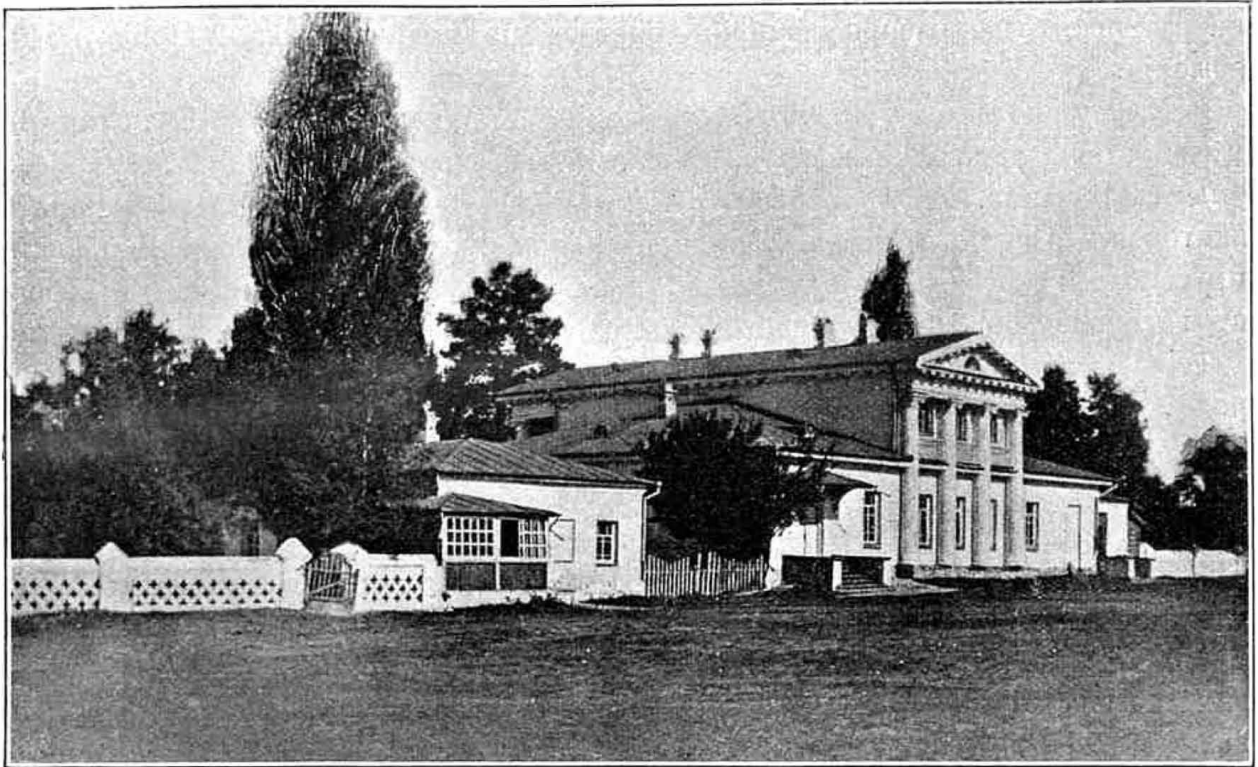
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Домъ въ Кровномъ (имѣніе Баженовыхъ въ Сумскомъ у., Харьковской губ.).

Положенія 19 февраля.

Прив.-доц. А. Э. Вормса.

истематическій обзоръ нормъ, вошедшихъ въ Положенія 19 февраля, въ ихъ окончательной редакціи, помимо историческаго интереса, не утратилъ понынѣ своего догматическаго, практическаго значенія. Правда, послѣдующее законодательство внесло въ „Положенія“ крупныя измѣненія, а нѣкоторыя изъ основныхъ тенденцій ихъ были въ корнѣ извращены, напримѣръ, опредѣленно выраженное намѣреніе приравнять землевладѣніе крестьянъ, по завершеніи выкупной операціи, къ владѣнію землей на общемъ гражданскомъ правѣ; рѣшеніе не прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы заставить общинниковъ перейти къ личной собственности; стремленіе обезпечить крестьянскому общественному управленію нѣкоторую самостоятельность, а волостному суду—независимость отъ администраціи. Тѣмъ не менѣе, Положенія до сихъ поръ сохраняютъ значеніе „органическаго“ закона для нашихъ крестьянъ, не только для потомковъ бывшихъ крѣпостныхъ людей,

для которыхъ они были изданы, но и для всѣхъ остальныхъ разрядовъ, на которые было распространено дѣйствіе, по крайней мѣрѣ, Общаго Положенія.

Уже при бѣгломъ обзорѣ „Положеній“ они поражаютъ своею полнотою, цѣльностью и законченностью. Это дѣйствительно „кодексъ“ въ полномъ смыслѣ термина. Послѣ перваго ознакомленія съ ними, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ аграрнаго строя Западной Европы, ученый изслѣдователь быта прусскихъ крестьянъ и вдумчивый наблюдатель русскаго сельскаго строя, съ которымъ онъ внимательно знакомился во время своего путешествія по Россіи въ 1843 и 1844 гг., баронъ Гакстгаузенъ, писалъ: „Ни одинъ народъ, ни одно государство Европы не имѣли и не дождались всеобъемлющаго законодательства о крестьянахъ такихъ величавыхъ размѣровъ, съ такимъ вниманіемъ отнесшагося ко всѣмъ политическимъ и социальнымъ условіямъ страны“. Пусть это первое впечатлѣніе оказывается слишкомъ благопріятнымъ, пусть за стройнымъ фасадомъ скрывается много крупныхъ изъяновъ, которые безпощадное время уже успѣло обнажить передъ нами. Во всякомъ случаѣ безспорно, что такого полного и цѣльнаго законодательнаго акта объ устройствѣ поземельныхъ отношеній бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ Западная Европа не знаетъ.

Намъ кажется вообще, что хотя бы бѣглое сопоставленіе нашей „великой реформы“ съ тѣми мѣрами, которыя съ тою же цѣлью были осуществлены на Западѣ,—лучшій пріемъ, чтобы полностью, безпристрастно и справедливо оцѣнить какъ совершенно исключительныя трудности, которыя пришлось преодолѣть крестьянской реформѣ въ Россіи, такъ и ея относительные достоинства и недостатки.

Однако, чтобы не осложнять нашего очерка, мы ограничимся сопоставленіемъ съ Положеніями 19 февраля законодательства объ освобожденіи крестьянъ въ Австріи. Изъ всѣхъ государствъ Европы въ первой половинѣ XIX столѣтія Австрія была наиболее близка къ Россіи по хозяйственному быту и по культурному уровню, а также по этнографическому составу населенія и по государственно-правовому укладу. Къ тому же австрійское законодательство, которое, къ сожалѣнію, осталось почти совсѣмъ неизвѣстнымъ авторамъ нашей реформы, ссылавшимся преимущественно на примѣръ Пруссіи и Остзейскаго края, и которое до сихъ поръ не оцѣнено по достоинству въ русской литературѣ,—во многихъ отношеніяхъ является образцовымъ.

Какъ почти всюду въ Западной Европѣ, и въ Австріи самому освобожденію крѣпостныхъ предшествовалъ рядъ подготовительныхъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію и улучшенію положенія зависимыхъ крестьянъ. Это такъ называемый „Bauernschutz“—законодательство о защитѣ крестьянскаго труда, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно сопоставить съ

современнымъ законодательствомъ о защитѣ промышленнаго труда—Arbeiter-schutz. Защита крестьянъ сводилась къ тремъ мѣрамъ: 1) къ облегченію барщины путемъ Rabatpatente; 2) къ точному опредѣленію, а подчасъ и пониженію денежныхъ и натуральныхъ повинностей крестьянъ въ каждомъ помѣстьѣ въ соотвѣтствіи съ доходностью предоставленной въ ихъ держаніе земли—Urbarialregulierung, — за соблюденіемъ котораго устанавливался довольно тщательный полицейскій надзоръ; 3) наконецъ, къ запрещенію уменьшать крестьянскую запашку путемъ „сбиванія“ крестьянъ съ пашни и присоединенія ихъ земли къ барской запашкѣ; за частью помѣщичьей земли признавался характеръ Bauernland—„повинностной земли“, которой помѣщикъ можетъ пользоваться только путемъ отдачи ея въ крестьянское держаніе (Leihezwang). Хотя всѣ эти мѣры, принятые въ Австріи около половины XVIII столѣтія, не упрочивали еще положенія отдѣльныхъ крестьянъ, онѣ все же обезпечивали въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами извѣстную устойчивость, устранившую при окончательномъ освобожденіи послѣднихъ необходимость въ произвольномъ, апріорномъ расчетѣ тѣхъ нормъ, по которымъ слѣдуетъ отводить крестьянамъ надѣлъ и опредѣлять размѣры ихъ повинностей.

Сфинксъ въ „Никольскомъ“, пмѣніи А. И. Голицына.

Въ качествѣ общей мѣры въ Россіи были изданы своего рода Rabatpatent — манифестъ 5 апрѣля 1797 года „о трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи къ работѣ въ дни воскресные“, а затѣмъ указъ 30 сент. 1818 г. о распространеніи этого правила на дванадцатые и нѣкоторые другіе праздники. Аналогичные австрійскимъ „урбаріямъ“ — инвентари были введены только въ западныхъ губерніяхъ. Въ бывшихъ литовскихъ провинціяхъ они составлялись уже на основаніи постановленій стараго литовско-польскаго права. По присоединеніи этихъ провинцій къ Россіи, значеніе инвентарей или „экономическихъ реестровъ“ было снова подтверждено указомъ 23 марта 1818 г. Затѣмъ, съ цѣлью сдѣлать

ихъ обязательными для всѣхъ помѣщиковъ, были установлены болѣе точныя правила о составленіи и повѣркѣ ихъ: для губерній литовскихъ — въ 1844 г., для кievскаго генералъ-губернаторства — въ 1848 г. и для губерній бѣлорусскаго генералъ-губернаторства — въ 1852 г.

На дѣлѣ, даже въ этихъ губерніяхъ инвентари не были введены во всѣхъ имѣніяхъ, а за точнымъ соблюденіемъ ихъ тамъ, гдѣ они были составлены, не было установлено сколько-нибудь дѣйствительнаго контроля. Тѣмъ не менѣе, даже эта мѣстная, частичная подготовительная мѣра оказала громадную услугу всей Россіи. Какъ уже извѣстно читателю, именно она послужила толчкомъ къ офиціальному возбужденію общаго вопроса объ освобожденіи крестьянъ, а опасенія, что инвентари будутъ введены и въ другихъ губерніяхъ, сдѣлало дворянство много стговорчивѣе. Но громаднаго большинства губерній, — всей Великороссіи, Малороссіи и Повороссіи, — и эта подготовительная мѣра къ освобожденію крестьянъ не коснулась; здѣсь не были продѣланы тѣ предварительныя статистическія и хозяйственно-устроительныя работы, которыя могли бы затѣмъ послужить прочнымъ отправнымъ пунктомъ для проектовъ освобожденія крестьянъ. Правда, 2 апрѣля 1842 г. былъ издавъ указъ „о предоставленіи помѣщикамъ заключать съ крестьянами договоры на отдачу имъ участковъ земли въ пользованіе за условленныя повинности, съ принятіемъ крестьянами, заключившими договоръ, названія обязанныхъ крестьянъ“, который по существу является не чѣмъ инымъ, какъ признаніемъ за помѣщиками внутреннихъ губерній права вводить у себя инвентари. Въ какой мѣрѣ при этомъ „обязанные крестьяне“ получали права личной свободы, оставалось не вполне выясненнымъ (см. п. 6 указа). Но даже эта мѣра не имѣла сколько-нибудь замѣтнаго примѣненія: правительство не только не поощряло ея осуществленія, но прямо затрудняло ее стѣснительными правилами о порядкѣ залога имѣній, населенныхъ обязанными крестьянами. Установленіе, наконецъ, особой категоріи „крестьянской“ или „повинностной“ земли и запретъ присоединять ее къ барской запашкѣ вообще не были извѣстны русскому дореформенному законодательству о крѣпостныхъ крестьянахъ.

Не только отправные пункты, но и ходъ самого освобожденія крестьянъ въ Австріи былъ иной, болѣе медленный, правда, чѣмъ въ Россіи, но болѣе органической и успѣшный. Процессъ освобожденія прошелъ въ Австріи три ступени. Уже задолго до французской революціи крѣпостнымъ крестьянамъ, или, точнѣе, „наслѣдственнымъ вотчиннымъ подданнымъ“ была предоставлена личная свобода: государственнымъ крестьянамъ (Domänialbauern) — императрицей Маріей Терезіей въ 1776 и 1778 гг., а помѣщичьимъ (gutsherrliche Bauern) — императоромъ Іосифомъ, патентомъ отъ 1 ноября 1781 г., при чемъ за ними была признана и свобода передвиженія. Затѣмъ почти немедленно выяснилось, что личная свобода не совмѣщается съ тѣмъ пре-

карнымъ, неслѣдственнымъ держаніемъ земли, которое преобладало въ Австріи. Въ 1785 г. Іосифъ II и въ этомъ отношеніи предпринялъ было коренную реформу. Многія изъ его постановленій, однако, главнымъ образомъ, о пониженіи крестьянскихъ повинностей, вскорѣ были отмѣнены его преемникомъ, императоромъ Леопольдомъ. Но одна изъ главныхъ мѣръ осталась въ силѣ: крестьянское держаніе было упрочено, превращено въ наследственное, и право „сбиванія“ (Bauernlegen) крестьянъ было ограничено опредѣленными случаями. Это та мѣра, которую австрійскіе юристы называютъ „*Verbesserung der Besitzrechte*“

Послѣ героическихъ усилій Іосифа II для Австріи наступилъ долгій періодъ застоя, изъ котораго ее пробудило лишь революціонное движеніе 1848 года. Тогда, какъ бы спохватившись, что за первую половину XIX столѣтія Пруссія далеко обогнала ее въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе этого вообще опередила ее въ стремленіи занять преобладающее положеніе въ средней Европѣ, Австрія рѣшительно взялась за завершеніе дѣла, начатаго Іосифомъ II. Большую роль сыграло при этомъ намѣреніе правительства и двора, путемъ серьезныхъ уступокъ, отдѣлнить крестьянъ отъ революціонной буржуазіи городовъ и перетянуть ихъ на свою сторону, какъ это въ значительной мѣрѣ и удалось сдѣлать.

Вспомниая, отмѣненныя отчасти, реформы Іосифа II, законъ 7 сентября 1848 года и послѣдующіе „патенты“ понынѣ царствующаго императора Франца-Іосифа установили слѣдующій порядокъ для осуществленія третьей, послѣдней мѣры къ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній—къ отмѣнѣ и выкупу повинностей, еще обременявшихъ крестьянскіе участки (*Grundentlastung*): 1) Повинности, вытекавшія изъ патримоніальныхъ, чисто-публичныхъ правъ помѣщика, какъ, напримѣръ, тѣ, которыя были основаны на личномъ подданствѣ и патронатѣ или вытекали изъ владѣльческой юрисдикціи,—отмѣнялись безъ вознагражденія. 2) Другія повинности подлежали выкупу путемъ уплаты соответствующаго имъ капитала. Но и между этими повинностями дѣлалось существенное различіе: однѣ, какъ, напр., „неурочная барщина“, подлежали только „умѣренному вознагражденію“ Одновременно оцѣнивались соответствующія этимъ повинностямъ обязанности помѣщиковъ, напр., обязанность доставлять продовольствіе людямъ и кормъ скоту во время отбыванія неурочной барщины, для зачета этихъ встрѣчныхъ требованій. Остальныя повинности полностью оцѣнивались на деньги, по среднимъ рыночнымъ цѣнамъ послѣднихъ лѣтъ, но также съ зачетомъ соответствующихъ имъ обязанностей помѣщика.

Выкупъ всей, установленной такимъ путемъ, ренты посредствомъ уплаты капитала былъ исчисленъ такъ, что въ среднемъ $\frac{1}{3}$ суммы отпадала совсѣмъ (въ зачетъ обязанностей помѣщика), а помѣщикъ получалъ $\frac{2}{3}$ ея. Изъ нихъ, въ свою очередь, одна треть, соответствовавшая стоимости личныхъ по-

випиностей („выкупу личности“), уплачивалась провинціеі (краемъ, Kron-land), и только третья часть, соответствовавшая повинностямъ изъ чисто гражданскихъ основаній (за владѣніе землею), вносилась самими крестьянами.

Эта справедливая съ юридической точки зрѣнія и разумная въ фискальномъ отношеніи постановка вопроса о выкупѣ повинностей увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Несмотря на очень трудное финансовое положеніе Австріи въ ту эпоху, когда ей пришлось осуществлять реформу, едва ли не болѣе трудное даже, чѣмъ положеніе Россіи. Вся операція была закончена въ главныхъ чертахъ, въ первыя же 10 лѣтъ, безъ накопленія недоимокъ и т. п. Въ настоящее время Австрія, которой многіе предсказывали близкое распаденіе, обнаруживаетъ полную жизнеспособность, несмотря на острые національные конфликты, тормозящіе ея развитіе. Этимъ она обязана прежде всего тому, что въ ней, благодаря удачной постановкѣ реформы, сохранилось крѣпкое, жизнеспособное крестьянство.

Тотъ же длинный и трудный путь необходимо было пройти, тѣ же сложныя реформы, неизбежныя по самому существу крѣпостныхъ отношеній, пришлось провести и русскому законодательству. Но, въ отличіе отъ Австріи, оно для большей части имперіи не могло опереться ни на какія подготовительныя мѣры, которыя могли бы служить отправной базой. Сверхъ того, вмѣсто полнаго столѣтія, на которое растянулась реформа въ Австріи, она сконцентрировалась въ Россіи на протяженіи немногихъ лѣтъ. Вмѣсто нѣсколькихъ пріемовъ, перерывы между которыми давали населенію возможность осваиваться съ новыми отношеніями, а правительству—взвѣшивать дальнѣйшія мѣры, у насъ авторамъ реформы, по ихъ же словамъ, пришлось обнять сразу весь предстоящій путь, отъ перваго приступа къ дѣлу до полнаго прекращенія обязательныхъ отношеній посредствомъ выкупа. Если западно-европейскія правительства проводили реформу либо съ энтузіазмомъ послѣдователей естественнаго права, какъ Іосифъ II или французское Національное Собраніе, либо въ силу горячаго, искренняго стремленія къ возрожденію униженнаго отечества, какъ въ Пруссіи, наконецъ, подъ вліяніемъ серьезнаго страха передъ побѣдоносной, на первыхъ порахъ, революціей, какъ въ Австріи въ 1848 году, то русское правительство приступило къ реформѣ, лишь руководствуясь довольно смутными представленіями о „государственной пользѣ“ этой мѣры, вслѣдствіе неопредѣленныхъ опасеній народныхъ волненій, изъ желанія „предупредить опасное броженіе умовъ“, занесенія котораго въ Западный край оно ожидало, наконецъ, подъ давленіемъ энергичнаго патиска сравнительно незначительнаго и, во всякомъ случаѣ, не особенно вліятельнаго „общественнаго мнѣнія“. Русское правительство не обнаруживало поэтому сколько-нибудь замѣтнаго увлеченія реформой; оно сначала даже боялось назвать ее своимъ именемъ,—говорило не объ „осво-

божденіи“ крестьянъ, а только объ „улучшеніи ихъ быта“; до конца разработки плана реформы оно колебалось, на каждомъ шагѣ ставило препятствія ей публичному обсужденію, ссылало наиболѣе откровенныхъ сторонниковъ ея и т. д.; этимъ оно не разъ вызывало у непосредственныхъ работниковъ, — главныхъ руководителей такъ называемыхъ „редакціонныхъ комиссій“, серьезныя опасенія за судьбу реформы и заставляло ихъ становиться все болѣе уступчивыми, все менѣе послѣдовательными въ защитѣ интересовъ крестьянъ.

Но даже эти исключительно неблагоприятныя для реформы условія не исчерпываютъ всѣхъ препятствій, съ которыми ей пришлось встрѣтиться у

Помѣщики въ Малороссіи (В. Маковского).

насъ по существу отношеній, подлежащихъ отмѣнѣ, и по общему состоянію русскаго законодательства.

Всякая реформа, охватывающая хотя бы обширную область, все же составляетъ только часть общаго законодательства страны, опирается на другія нормы его, сталкивается съ ними, поясняется или затемняется ими, — словомъ, представляетъ всегда лишь обломокъ, который пріобрѣтаетъ цѣльность и проявляетъ все свое содержаніе лишь въ живой связи съ предшествующей работой законодателя. Почти всюду на Западѣ авторы крестьянской реформы могли ограничиться регулированіемъ отношеній, непосредственно связанныхъ съ отмѣною личной зависимости и повинностей крестьянъ. Бывшій крѣпостной, получивъ свободу, вступалъ въ ряды полноправныхъ гражданъ, положеніе которыхъ, какъ публично-правовое, напр., по мѣстному управленію,

такъ и въ области гражданскаго права, напр., относительно порядка наследованія, установленія опеки и т. д., уже раньше достаточно точно и полно опредѣлялось закономъ. Не то у насъ. Какъ теперь еще, такъ въ еще большей мѣрѣ въ эпоху реформъ, многіе изъ этихъ вопросовъ оставались открытыми. Авторамъ реформы приходилось считаться и съ этимъ, — создавать, напр., цѣлый кодексъ общиннаго самоуправления, опредѣлять порядокъ взиманія налоговъ съ крестьянъ, насильно включать въ „Положенія“ хотя бы важнѣйшія гражданско-правовыя нормы, напр., опредѣлять сущность общиннаго и подворнаго владѣнія землей, или же прибѣгать къ общимъ ссылкамъ на обычай даже тамъ, гдѣ онъ завѣдомо не могъ сложиться, какъ относительно устройства опеки у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Съ точки зрѣнія основныхъ задачъ реформы подобные вопросы имѣли только побочное значеніе, и авторамъ ея невозможно было задерживаться на нихъ и заново разрабатывать ихъ. Поэтому становилась неизбежной полная зависимость новаго закона отъ состоянія прежняго законодательства. Невершенство, неполнота и неясность послѣдняго не могли, очевидно, не отразиться на „Положеніяхъ“. Этимъ, въ значительной мѣрѣ, объясняются не вполне удачная система Положеній, многочисленныя изъяны въ ихъ терминологіи, неточность опредѣленій (общинное владѣніе), неясность постановленій о выдѣлѣ изъ общины и многое другое.

Мало того. Поспѣшность при разработкѣ реформы привела къ тому, что наиболѣе компетентному органу, состоявшему большей частью изъ лицъ, горячо преданныхъ дѣлу реформы, — редакціоннымъ комиссіямъ, — не была дана возможность обсудить до конца и согласовать во всемъ отдѣльныя „Положенія“. Такъ Положеніе о выкупѣ, выработанное спеціальной финансовой комиссіей, не было внесено въ общее присутствіе редакціонныхъ комиссій, а поступило прямо въ Главный Комитетъ, который разсмотрѣлъ его вмѣстѣ съ финансовымъ комитетомъ. Этимъ объясняется, въ частности, что Положеніе о выкупѣ отчасти проникнуто иными тенденціями, чѣмъ другія положенія: оно сильнѣе, чѣмъ послѣднія, подчеркиваетъ индивидуальныя права отдѣльныхъ крестьянъ на ихъ надѣлъ. Наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ тому служить знаменитая ст. 165 этого положенія о досрочномъ выкупѣ, которая, по заявленію ея авторовъ, составляла только частное примѣненіе принципа, установленнаго ст. 36 Общаго Положенія о выдѣлѣ изъ общинъ, а на самомъ дѣлѣ создавала норму, рѣзко расходившуюся съ однимъ изъ основныхъ началъ, проведенныхъ въ Общемъ Положеніи.

Только постоянно памятуя о безиримѣрныхъ трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть дѣятелямъ „великой реформы“, и сопоставляя послѣднюю съ аналогичными законодательными актами на Западѣ, мы будемъ въ состояніи понять вполне и оцѣнить по справедливости „Положенія 19 февраля“

У железной дороги.

(Перова).

